

Научная статья

УДК 261.7

https://doi.org/10.25803/26587599_2023_48_186

К. П. Обозный

Сельское духовенство Псковской области в первые послевоенные годы (1945–1948)

Константин Петрович Обозный

Свято-Филаретовский институт, Москва, Псков, Россия, suhoput2006@yandex.ru

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена положению сельского православного духовенства Псковской области в первые послевоенные годы. На основе документов Совета по делам РПЦ и ежегодных епархиальных отчетов были выявлены основные статистические показатели: численность зарегистрированных священнослужителей, их возраст, период церковного служения, уровень образования. Показана специфика служения сельских клириков, которая связана с вопросами экономического, правового, идеологического характера. Описан спектр трудностей, с которыми приходилось сталкиваться православному духовенству в период относительно лояльного отношения советского государства к религиозным организациям. Особая специфика церковной ситуации в Псковской области определяется тем, что некоторые территории Эстонской и Латвийской республик вошли в состав Псковской области в послевоенный период. Эти районы отличались высоким уровнем воцерковленности сельского населения, стремлением к сохранению православных традиций. Это усложняло работу уполномоченного Совета по делам РПЦ по Псковской области, которая была направлена на контроль и ограничение влияния религиозных организаций на советских граждан, в том числе проживающих в условиях советского села.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Псковская епархия, православное духовенство, Совет по делам РПЦ, сельские приходы, «новый курс» религиозной политики

© Обозный К. П., 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Обозный К. П. Сельское духовенство Псковской области в первые послевоенные годы (1945–1948) // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 48. С. 186–208. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_48_186.

К. P. Obozny

Rural clergy of the Pskov region in the first post-war years (1945–1948)

Konstantin P. Obozny

St. Philaret's Institute, Moscow, Pskov, Russia, suhoput2006@yandex.ru

ABSTRACT: The article covers the situation of the rural Orthodox clergy of the Pskov region in the first post-war years. Based on the documents of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church and the annual diocesan reports, the main statistical indicators were identified: the number of registered clergymen, their age, period of church service, and level of education. The specificity of the ministry of rural clerics related to issues of economic, legal, ideological nature, is shown. The range of difficulties encountered by Orthodox clergy in the period of the relatively loyal attitude of the Soviet state towards religious organisations is described. The particular specificity of the church situation in the Pskov region is determined by the fact that some territories of the Estonian and Latvian Republics became part of the Pskov region in the post-war period. These areas were distinguished by a high level of church-going of the rural population, the desire to preserve Orthodox traditions. This complicated the work of the authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Pskov region, which was aimed at controlling and limiting the influence of religious organizations on Soviet citizens, including those living in the conditions of the Soviet countryside.

KEYWORDS: Pskov diocese, Orthodox clergy, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, rural parishes, “new course” of religious policy

FOR CITATION: Obozny K. P. (2023). “Rural clergy of the Pskov region in the first post-war years (1945–1948)”. *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, iss. 48, pp. 186–208. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_48_186.

Введение

Положение православной церкви в СССР в первые послевоенные годы было достаточно хорошо исследовано за последние четверть века. Российские ученые обращались к этой теме в первую очередь в контексте изучения церковно-государственных отношений и внешнеполитических планов советского правительства¹. При этом реалии церковной жизни приходских общин, ситуации на уровне отдельных областей или районов остаются по-прежнему недостаточно изученными.

Особую актуальность придает этой теме исследование особенностей церковной жизни в регионах, которые длительный период находились в условиях немецкой оккупации. После освобождения таких территорий церковная жизнь здесь развивалась со своими особенностями и требовала, по мнению советских чиновников, особого внимания и корректировки в условиях процессов реокупации².

Вопрос о том, что являло собой духовное сословие в 1945–1948 гг., представляет особый интерес в контексте той институциональной разрухи, которую пережила православная церковь в СССР в предвоенный период. Сохранилась ли у клириков периода «нового курса» религиозной политики советского правительства, хотя бы в какой-то мере, преемственность по отношению к духовенству начала XX в.? Что происходило с православными клириками, в большинстве своем служившими в сельских приходах, во времена относительного снижения давления атеистической пропаганды и попыток советской власти вовлечь церковь в орбиту решения своих внешне- и внутривластных задач?

Основной источник информации о церковной жизни Псковской области послевоенного периода — ежегодные отчеты епархии и ежеквартальные отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ при Псковском областном исполнительном комитете. В этих документах содержатся не только статистические сведения о численности открытых храмов, зарегистрированного духовенства, но и сведения о проблемах церковной жизни и динамике изменений в положении верующих и православных приходов.

1. См., напр.: [Шкаровский; Васильева; Чумаченко; Курляндский; Галкин].

2. См. об этом: [Майнер].

Псковская епархия в контексте церковно-государственных отношений

В сентябре 1943 г. в СССР произошло серьезное изменение в официальном отношении руководства партии и правительства к религиозному вопросу. Этот разворот был продиктован различными мотивами. Основной его причиной, по мнению многих исследователей, была неоднозначная реакция западной общественности (в первую очередь в США) на союзнические отношения с СССР, правительство которого на протяжении 1920–1930-х гг. целенаправленно искореняло христианскую веру и уничтожало церковь. Сталину нужно было в кратчайшие сроки показать западным союзникам реальные плоды соблюдения конституционных прав верующих граждан страны. Историческая встреча Сталина с руководством РПЦ в лице трех митрополитов 4 сентября 1943 г. положила начало «новому курсу» религиозной политики советского правительства. Через три дня в Москве было восстановлено патриаршество, началась реставрация системы духовного образования, появилась возможность для регистрации приходских общин и открытия храмов, вновь начал выходить «Журнал Московской Патриархии». Некоторые статьи «Декрета об отделении церкви от государства» 1918 г. и постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» 1929 г. временно перестали действовать (например, Московская патриархия в январе 1943 г. получила возможность открыть банковский счет). В советской прессе стало меньше антирелигиозной пропаганды.

Наряду с этим в сентябре 1943 г. вышло постановление Совнаркома СССР о создании новой структуры — Совета по делам РПЦ. Этот орган был призван осуществлять связь советского правительства и патриархии по самому широкому спектру вопросов. По сути дела, вся церковная жизнь и на уровне патриархии, и на уровне епархии, и на уровне прихода находилась под контролем Совета по делам РПЦ. В каждом областном, краевом и республиканском центре в структуре исполнительной власти действовали уполномоченные Совета по делам РПЦ. Главная функция уполномоченного состояла в регистрации религиозной общины и священнослужителя, а также в лишении регистрации за нарушение законодательства о культах. Это было важным средством давления на неугодное духовенство и членов прихода, проявлявших, по мнению советского чиновника, излишнее стремление к самостоятельности. Также уполномоченный должен был наблюдать

за состоянием церковной жизни в епархии, пресекать нарушения законодательства со стороны местных властей и религиозных общин. Ежеквартальные отчеты уполномоченного в Совет содержали статистические данные, основные проблемы, жалобы и прошения верующих, в том числе, об открытии новых храмов и регистрации религиозных общин. В послевоенный Псков уполномоченный Совета по делам РПЦ Александр Лузин приехал летом 1945 г. Первый отчет в Москву был им подготовлен за III квартал того же 1945 года.

Следует отметить, что подавляющее число клириков Псковской области послевоенного периода проживали и совершали свое служение в условиях немецкой оккупации в 1941–1944 гг. Судя по документам уполномоченного Совета по делам РПЦ в Псковской области, этот факт создавал особые трудности в процессе контроля за развитием церковной жизни в этом регионе [*Информационные отчеты. 1945. Л. 1*]. В частности, одной из своих задач уполномоченный Совета по делам РПЦ по Псковской области А. Лузин в 1945 г. считал преодоление «порядков, введенных „православной миссией“ в период немецкой оккупации и учет всех действующих церквей по области» [*Информационные отчеты. 1945. Л. 1*]. Среди таких «порядков» советский чиновник отмечал не только торжественные богослужения, многодневные крестные ходы, но и служение одного священнослужителя одновременно на нескольких приходах. И во время немецкой оккупации, и в послевоенный период эта практика была связана с острым дефицитом священнослужителей. Однако советская власть расценивала этот факт в первую очередь как проявление алчности духовенства, желания клириков материально обеспечить свои семьи в условиях послевоенного голода. Введение требования обязательной регистрации для духовенства (с выдачей справки о регистрации, в которой были указаны фамилия и имя священника и точный почтовый адрес церкви) по замыслу советского правительства должно было прекратить практику священников — «гастролеров» [*Информационные отчеты. 1945. Л. 1*].

Статистические данные

В послевоенные годы большая часть зарегистрированных приходов Псковской области находилась в сельской местности, потому и значительная часть клира епархии была представлена сельскими священниками. Так, в начале 1947 г. из 87 зарегистрированных

священнослужителей на селе служили 73 человека. В начале 1948 г. из 90 священников на селе служили 75 человек. Осенью 1949 г. из 91 священника на селе служили 74 человека [*Информационные отчеты. 1949. Л. 47*]. В этом же году официально действовали 98 храмов, 1 молитвенный дом и 1 монастырь [*Информационные отчеты. 1949. Л. 12*]. Таким образом, в 1947–1949 гг. в Псковской епархии процент сельского духовенства был стабильно высоким с небольшой динамикой на понижение (от 83,9 % до 81,3 %) ³.

В начале 1949 г. сельское духовенство Псковской епархии в основном было преклонного возраста. Только 6,7 % священников из числа служивших на селе, не достигли 40 лет. Возраст старше 55 лет имела большая часть клира, в процентном отношении они составляли 67,6 %. Священников среднего возраста (от 41 до 55 лет) было всего 25,7 % от общего числа штатного духовенства епархии ⁴.

Таким образом, из 74 сельских священников Псковской епархии 50 человек были старше 55 лет, 19 человек в возрасте от 41 до 55 лет, и только 5 человек не достигли 40-летнего возраста [*Информационные отчеты. 1948. Л. 74*] ⁵.

Весьма примечательно выглядит статистика, отражающая стаж служения сельских священнослужителей. Казалось бы, антирелигиозная политика советского правительства и Большой террор не оставляли шансов для сохранения дореволюционных кадров духовенства в послевоенный период, однако 20 % (15 человек) сельских священников Псковской епархии приняли священный сан еще до 1918 года. Клирики, начавшие служение в советское довоенное время (1918–1940 гг.), в 1949 г. составляли более 28 %. Однако самой большой группой сельских священнослужителей в Псковской области была та, в которую входили клирики, рукоположенные в военный период — 35 % (26 человек). Этот факт объясняется тем, что в период немецкой оккупации Ленинградской области в этом регионе активно действовала Псковская православная миссия. Несмотря на активную просветительскую, миссионерскую, благотворительную деятельность служителей Миссии, священнических кадров было крайне недостаточно. Патриарший экзарх Прибалтики митр. Сергей (Воскресенский), под эгидой которого действовала Псковская миссия,

3. Численность сельского духовенства в Псковской епархии (87 священников) в конце 1948 г. была гораздо выше, чем в соседних Ленинградской (42 священника) и Новгородской (36 священников) епархиях. См.: [*Годовой отчет. Л. 233*].

4. Для сравнения возрастного показателя по всему штатному духовенству Псковской епархии в 1948 г. см. таблицу 1.

5. См. таблицу 2.

пытался решить кадровую проблему. С одной стороны, он возродил в 1942 г. на оккупированной территории Прибалтики духовную школу (Виленские богословские курсы), которая была задумана для пополнения штатов приходов, оказавшихся в оккупированных районах Ленинградской области. С другой стороны, экзарх Сергей активно рукополагал в священный сан кандидатов, имевших церковный опыт, литургическую подготовку и крепкую веру [*Обозный, 127–128*]. Несмотря на эвакуацию и аресты православных клириков, некоторые из них, рукоположенные в период немецкой оккупации, продолжили свое церковное служение в Псковской епархии и после 1945 г.

Вопреки широко распространенным представлениям о лояльности советского правительства к религиозным организациям в послевоенный период, это «потепление» особенно не повлияло на рост числа вновь рукоположенных священнослужителей. Только 16 % (12 человек) клириков епархии, служивших на сельских приходах, приняли священный сан после 1945 г.

Подводя краткий итог, можно отметить, что 15 человек были рукоположены в пресвитерский сан до 1918 г., 11 человек в период с 1918 по 1930 гг., 10 человек в период с 1930 по 1940 гг., 26 человек в период 1941–1945 гг. и 12 человек стали священниками после 1945 г. [*Информационные отчеты. 1948. Л. 74*] ⁶.

Один из наиболее болезненных вопросов, касающихся качественной характеристики православного духовенства, связан с уровнем образования пастырей. С одной стороны, тотальное разрушение системы духовного образования в первые годы советской власти не оставляло никаких шансов для появления в послевоенный период молодого поколения священнослужителей, имеющих качественную богословскую подготовку. С другой стороны, учитывая то, что немалая часть послевоенного сельского духовенства на Псковщине родилась и сформировалась еще в синодальных условиях жизни церкви (в том числе связанных с обязательным духовным образованием для клириков), можно предположить достаточно высокий образовательный ценз у священнослужителей старшего поколения. Не отрицая важности именно духовного образования, нужно отдавать себе отчет, что и качественное светское образование могло быть хорошей базой для клирика, вступившего на стезю церковного служения после 1917 г.

6. См. таблицу 2.

На 1 января 1948 г. высшее богословское образование имел один священнослужитель Псковской епархии, среднее богословское образование — 24 клирика. Не было ни одного клирика с высшим светским образованием, 22 человека получили среднее образование, более всего клириков (28 человек) имели «низшее образование» (т. е. начальное) [*Информационные отчеты. 1948. Л. 10*].

В следующем отчете уполномоченного на 1 января 1949 г. статистические данные об уровне образования духовенства представлены более дифференцированно с особым указанием священников сельских приходов. Всего в епархии было два клирика с высшим богословским образованием, но они служили в городских храмах. Общее число священнослужителей со средним богословским образованием составило 33 человека, из них в сельских приходах служили 23 священника. Среднее светское образование в Псковской епархии в начале 1949 г. имели 29 священников, из них 25 человек служили на сельских приходах. Низшее светское образование имели почти столько же священников: 28 человек на всю епархию, из них 26 служили в сельских храмах [*Информационные отчеты. 1948. Л. 74*]. Таким образом, более всего в сельских храмах было священников с низшим образованием (26), затем следует категория со средним светским образованием (25) и менее всего клириков со средним духовным образованием (23). При этом все три группы по своему объему особенно не различались. В то же время следует отметить, что около $\frac{2}{3}$ священников на селе не имели духовного образования. Более $\frac{1}{3}$ клириков по уровню своего образования (начальное) вряд ли могли бы занять должность настоятеля прихода в синодальный период⁷.

Проблемы и трудности

Основные сложности, которые сопровождали служение клириков в сельской местности, были универсальными для любого лица духовного сословия в условиях советского строя. Однако были и специфические трудности, а также особенности удаленных районных приходов. Чем больше была удаленность прихода от областного и районного центра, тем, как правило, приход был беднее и малочисленнее. С другой стороны, удаленность от цен-

7. См. таблицу 2.

тра могла обеспечить бóльшие перспективы для внутрицерковной жизни.

Ситуация внутри Псковской епархии отличалась неравномерностью напряжения религиозной жизни по отдельным благочиниям. Это было связано в первую очередь с тем, что некоторые районы Псковской области до 1940 г. находились в составе независимых прибалтийских республик: Пыталовский и Качановский районы — в границах Латвии, а Печорский — в границах Эстонии. В январе 1945 г. эти районы были включены в РСФСР и стали частью Псковской области.

Если на территории РСФСР церковная структура к концу 1930-х годов была разрушена полностью, то в Латвии и Эстонии в период независимости этих территорий религиозная жизнь не подвергалась гонениям. Здесь православные христиане открыто сохраняли традиционный уклад жизни, который во многом опирался на активную церковную жизнь на уровне прихода. Краткий период советской власти не позволил нанести существенный удар по религиозному мировоззрению, хотя репрессии и закрытие храмов начались уже летом 1940 г. По сведениям рижского исследователя прот. Андрея Голикова, в 1940–1941 и в 1944–1952 гг. подверглась советским репрессиям примерно половина состава клира Латвийской православной церкви (48 священников и 8 диаконов) [Голиков, Фомин, 213].

Высокий уровень религиозности в Пыталовском и Печорском районах в послевоенное время отмечал и уполномоченный Совета по делам РПЦ по Псковской области Александр Лузин. В своих отчетах он упоминал о высокой активности приходских общин в Печорском районе. Это выражалось в том, что приходской совет, или, как пишет Лузин, «церковный актив», состоял не из одного-трех человек, как это было в иных районах, а включал практически всю «двадцатку». Не реже двух раз в год проходило приходское собрание, на котором обсуждались вопросы, «связанные с содержанием церкви, наем регента хора, сторожа и оценивалась деятельность настоятеля» [Информационные отчеты. 1950. Л. 22 об.]. Уполномоченный Лузин добавляет, что «церковный актив» состоял преимущественно из пожилых прихожан, пользующихся среди крестьян большим авторитетом. Некоторые члены приходских советов в Печорском районе были выбраны в состав правления колхозов. Этот факт говорит не только о доверии, которым пользовались активные члены приходов, но и о том, что в своем большинстве колхозники были членами этих же прихо-

дов. Лузин упоминает, что посещение церквей в Печорском районе, даже в тот период, когда «новый курс» религиозной политики практически завершился, было на очень высоком уровне. На богослужение приходят «и старые, и малые». Например, на воскресное богослужение в приходе Сенно собирается не менее 300 человек, из них около 200 человек — женщины и дети школьного возраста [*Информационные отчеты. 1950. Л. 22 об.*].

Другой отличительной чертой православных приходов, еще недавно входивших в состав Латвийской и Эстонской православных церквей, было наличие причтовой земли в размере нескольких гектаров. Настоятели сельских приходов в районах Псковской области, переживших церковное разорение 1920–1930 гг., располагали только небольшими приусадебными участками в размере 15 соток. По мере укрепления советской власти в послевоенное время в Пыталовском, Качановском и Печорском районах начинается постепенное наступление на сохранившиеся устои «буржуазного» прошлого. Так, в отчете за 1 квартал 1946 г. Лузин сообщает: «В Пыталовском, Качановском и Печорских районах, отошедших от Латвийской и Эстонской ССР церкви в большинстве своем имеют землю, размер которой в каждом приходе разный. В некоторых сельсоветах эту землю начинают отбирать» [*Информационные отчеты. 1946. Л. 10 об.*]. Для того чтобы компетентно ответить на поступающие жалобы от сельских священников, уполномоченный обратился с запросом в Совет по делам РПЦ. Однако четкого ответа ему получить не удалось. Вышестоящие чиновники повторили известные положения закона: «...Служители культа имеют право на огородный участок на общих основаниях». О земельных участках, находящихся в распоряжении прихода и превышающих положенную норму, из Москвы разъяснений не последовало. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Псковской области решил с подобными вопросами разбираться самостоятельно, ориентируясь на интуицию и жизненный опыт. Поскольку некоторые клирики по роду своих занятий себя относили более к земледельцам, нежели к духовенству, то Лузин посчитал возможным «подходить к каждому заявлению персонально, в зависимости от размера земельного участка и прихода» [*Информационные отчеты. 1946. Л. 10 об.*]. Так, например, в с. Печки Печорского района настоятель местного храма Виноградов имел в своем распоряжении причтовую землю в размере 22 га. Поскольку приход был, по словам настоятеля, малолюдный, то основные средства он получал не от пожертвований прихожан,

а от обработки земли и выращенного урожая. Этот факт позволил Лузину признать священнослужителя скорее земледельцем, нежели служителем культа. Несмотря на такой подход уполномоченного, по решению местного сельсовета церковная земля была изъята и передана «малоземельным крестьянам». При изучении этого вопроса выяснилось, что Виноградов в своих земледельческих трудах «пользовался наемной рабочей силой» [*Информационные отчеты. 1946. Л. 11*]. Этот факт, по-видимому, стал основным поводом для жесткого решения местных властей.

Через некоторое время Лузин получил ответ из Москвы от чиновников Совета по делам РПЦ на свой запрос по земельной проблеме:

По каждому заявлению духовенства о выделении земельных участков свыше 0,15 га Вам следует договариваться с областным земельным отделом. Указания местным органам о выделении земельных участков для священников должны исходить только от Облземотдела, а не от Вас [*Информационные отчеты. 1946. Л. 15*].

В отчетах псковского уполномоченного за 1947 г. вновь встречается земельная проблема, остро проявившаяся в приграничных районах Псковской области. Лузин отмечает, что начался процесс изъятия причтовых земель или их замены на менее пригодные для ведения сельского хозяйства. Священник Павел Короткевич, служивший в церкви села Верхние Овсищи Пыталовского района сообщил, что «имеющийся у него земельный участок около 5 га, решением Пыталовского Райисполкома передан местной школе, а ему предоставили землю не пригодную для обработки (заболоченную)». Короткевич отказался от нового надела, но, несмотря на это, получил извещение о необходимости выполнить план по государственным поставкам сельскохозяйственной продукции [*Информационные отчеты. 1947. Л. 28 об.*].

Еще одной сложностью для клириков, служивших в сельских приходах, был непосильный финансовый гнет, выразившийся в налоге на произведенную сельскохозяйственную продукцию. В 1947 г. к Лузину за разъяснением по этому вопросу обратился настоятель Крестовоздвиженской церкви с. Велье Пушкиногорского района свящ. Никандр Горностаев. Он ходатайствовал о снижении поставок молока и просил приравнять его к категории служащих, которые были обязаны сдавать государству 120 литров молока в год. Горностаев был обязан сдавать вдвое больше

молока (240 литров в год) как представитель духовного сословия. В данном случае уполномоченный не имел возможности помочь священнику и ответил, что «служители культа приравнены к единоличникам» [*Информационные отчеты. 1947. Л. 5*].

В каких-то случаях духовенство, пытаясь облегчить налоговый гнет, вынуждено было идти на крайние меры. Так, например, настоятель храма в селе Жаборы Порховского района священник Михаил Павлов в декабре 1947 г. продал корову, поскольку для него стали очевидными серьезные сложности не только с ее содержанием, но и с непомерным налогообложением. Кроме подоходного налога, Павлов как гражданин, ведущий сельское хозяйство, был обязан выполнить план по сельхозпоставкам. После продажи коровы он сразу же известил об этом чиновника, уполномоченного министерства заготовок по Порховскому району. Однако это не уберегло священника от высоких планов госпоставок сельхозпродукции на 1948 г. Он был вынужден покупать продукты, чтобы выполнить определенный план заготовок: 320 литров молока, 80 кг мяса и 65 штук куриных яиц. Жалобы Павлова и ходатайство уполномоченного Совета по делам РПЦ об отмене продуктового налога для священнослужителей, не имевших возможностей вести сельское хозяйство, положительного результата не дали [*Информационные отчеты. 1948. Л. 20*].

Существенной трудностью для духовенства послевоенного периода стали бесосновательные повышения процента подоходного налога. Эта проблема была одинаково актуальна и для городских, и для сельских священников. Первые жалобы от клириков Псковской епархии на имя уполномоченного Совета по делам РПЦ поступают уже в 1945 г. [*Информационные отчеты. 1945. Л. 4*]. Число подобных обращений к 1948 г. становится больше. В 1946 г. с жалобой на произвол финансовых органов обратился настоятель храма в с. Каменный Конец Гдовского района Дроздов. По свидетельству уполномоченного Совета по делам РПЦ, заведующий районным финансовым отделом тов. Зарецкий «учинил ему допрос, продолжавшийся 4 часа, при этом допускал нетактичное поведение по отношению к служителю религиозного культа» [*Информационные отчеты. 1946. Л. 3 об.*]. Лузин обратился в областной финансовый отдел за разъяснением с указанием впредь не допускать «нетактичное» поведение в отношении православных священников. В ответе чиновников финансового отдела было сказано, что налоговое начисление произведено правильно [*Информационные отчеты. 1946. Л. 3 об.*].

Подобный факт Лузин подробно описал и в отчете в 1947 г. Настоятель храма в с. Александрово Порховского района Модестов в своей жалобе сообщил, что был вызван в районный финансовый отдел, где ему объявили о перерасчете подоходного налога за 1944, 1945 и 1946 гг. и потребовали внести дополнительно 6 600 рублей. Уполномоченный Совета вновь обратился с вопросом о повышении налога в областной финансовый отдел и вновь получил ответ о том, что нарушений нет и перерасчет сделан обосновано. Лузин выразил свое несогласие с позицией финансовых органов и критически отнесся к тому, что их сотрудники «свою ошибку вваливают на плательщиков». Вместе с тем, он отметил малограмотность священника, который доверил составление декларации о своих доходах фининспектору и, не вдаваясь в подробности, поставил свою подпись [*Информационные отчеты. 1947. Л. 5*].

Пик этой проблемы приходится на 1948 г. В декабре 1947 г. в СССР была проведена денежная реформа, которая сопровождалась отменой карточной системы и изъятием денежной массы у населения. Новые банкноты соотносились со старыми 1 к 10. Особенно пострадали в ходе реформы беднейшие слои советского общества, в первую очередь жители села — крестьяне и колхозники. Не обошли последствия реформы и сельское духовенство. Снижение уровня материального положения паствы неизбежно вело к снижению поступлений в приходскую казну. В отчете о работе в первом квартале 1948 г. товарищ Лузин не без тревоги отмечает возросшее число жалоб священников о повышенном начислении налога. На его имя только в начале года поступило 11 заявлений из разных районов. Ситуация осложнялась тем, что инспекторы при начислении суммы налога на 1948 г. использовали сведения о доходах в 1947 г. еще до проведения реформы. Чтобы исправить ситуацию, как пишет А. Лузин,

многие служители культа, в связи с резким снижением доходов, подали декларации о доходе за первые два месяца, но их в расчет не приняли. В результате чего увеличилось количество жалоб (устных и письменных) о переобложении налогом [*Информационные отчеты. 1948. Л. 17*].

Уполномоченный Совета по делам РПЦ Лузин обратился за разъяснением ситуации в областной финансовый отдел и получил заверение в том, что в связи с резким падением доходов населения будут произведены перерасчеты подоходного налога, но только в конце года. В то же время все начисления, которые уже

были произведены, нужно было отплатить в полном объеме и в установленные сроки.

В некоторых случаях положение сельских клириков оказалось весьма критическим. Настоятель храма в с. Гористо Дновского района прот. Кронид Яхонтов обратился к Лузину с письмом в надежде на помощь чиновника, призванного курировать и разрешать проблемы православных приходов:

Нам с псаломщиком исчислили аванс подоходного налога на 1948 год по доходу 1947 года, но мы с этим не согласны, так как с переменой денежных знаков наша доходность уменьшилась вполнину. Мы не сами лично уменьшили, а верующие на собрании 19 декабря 1947 года... Вторично подавали заявление и просили райфо, чтобы исчислили аванс налога, согласно поданной нами декларации на 1948 год и опроса финансовым агентом за январь и февраль месяцы, но нам отказали [*Информационные отчеты. 1948. Л. 18*].

В некоторых случаях священники Псковской епархии отказывались оплачивать завышенный подоходный налог, что привело к нескольким судебным заседаниям, на которых было принято решение об описании личного имущества в счет невыплаченного налога. Так, например, в 1948 г. по этой причине у настоятеля церкви в с. Гвозно Полновского района свящ. Дмитрия Евдокимова по решению суда была изъята корова и продана с торгов для погашения задолженности по невыплаченному подоходному налогу [*Информационные отчеты. 1948. Л. 170*]. В условиях голодных послевоенных лет подобная мера ставила семейство священника на грань выживания.

Еще одной формой экономического давления на сельское духовенство стало принуждение к подписке на внутренний государственный заем через приобретение облигаций. Подобные действия представителей сельсовета порой сопровождалась хулиганскими поступками. В с. Хредино Павского района в день памяти свт. Николая весной 1947 г. в дом к местному священнику Белову явились уполномоченные сельсовета по проведению подписки на заем и потребовали от священника приобрести облигации на крупную сумму. Незваные гости были пьяны, а потому отказ хозяина вносить деньги на заем, вызвал у них приступ агрессии и последующие побои священника Белова. Материалы этого происшествия были поданы в районный отдел МВД, однако в возбуждении уголовного дела начальник районного отдела милиции отказал [*Информационные отчеты. 1947. Л. 27 об.-28*].

В этот же период с жалобой на местные власти обратился к Лузину настоятель храма в с. Павы Павского района свящ. Борис Фессак. В ходе кампании по подписке на государственный заем священник внес 500 рублей, но такая сумма не удовлетворила уполномоченных сельсовета, которые рассчитывали на содержимое церковной кассы. Для серьезного разговора Фессак был вызван к секретарю РК ВКП(б). Он предложил увеличить сумму подписки до 5 тыс. рублей, но священник отказался, объясняя это тем, что «размещение займа законом предусмотрено среди трудящихся, и использовать на это деньги, принадлежащие церковной общине, он не может» [*Информационные отчеты. 1947. Л. 28*]. Реакция руководства района на неуступчивость священника последовала очень скоро. Его сын, комсомолец и лучший пахарь колхоза, был уволен с работы, а хозяйка, у которой священнослужитель снимал квартиру, была исключена из колхоза и лишена приусадебного участка [*Информационные отчеты. 1947. Л. 28*].

Диктат сельсоветов и руководства колхозов в отношениях с сельским духовенством и православными приходами проявлялся во всех районах Псковской области и на всем протяжении исследуемого периода. Чаще всего факты вмешательства светских властей в приходскую жизнь объяснялись тем, что активное участие колхозников в богослужениях и церковных мероприятиях могло привести к срыву выполнения планов производства сельхозпродукции. В отчете за 2-й квартал 1946 г. уполномоченный Совета Лузин упоминает о подобных примерах. В село Красные Горки Дедовичского района для служения в местном храме прибыл священник Петриченко, заручившийся в Пскове справкой о регистрации. Однако руководство местного птицеводческого хозяйства крайне негативно отнеслось к этой новости, а председатель райисполкома открыто заявил, что он против открытия церквей в районе, так как храмовые богослужения «будут отвлекать народ от выполнения плана сева» [*Информационные отчеты. 1946. Л. 17*]. Несмотря на письменные замечания Лузина в ответ на незаконность действий местных властей, Петриченко столкнулся с серьезным давлением, целью которого было вынудить священника покинуть место служения. Священника неоднократно вызывали в районный отдел МВД, районный отдел МГБ, сельсовет и райисполком, как правило, в дни церковных праздников, где с ним проводили длительные «воспитательные» беседы, требовали прекратить посещения колхозников на дому по их приглашению, обеспечить подписку на заем среди прихожан на сумму 60 тыс. рублей, при-

зывать народ к выполнению плана сельскохозяйственных работ [*Информационные отчеты. 1946. Л. 17*].

Неоднократно уполномоченному Совету по делам РПЦ по Псковской области приходилось разбирать дела о захвате храмовых зданий руководством колхозов и совхозов под нужды, связанные с хранением убранных урожая [*Информационные отчеты. 1945. Л. 4; Информационные отчеты. 1947. Л. 29*], о попытках запретить колокольный звон [*Информационные отчеты. 1945. Л. 4*], о принуждении сельских священников обрабатывать колхозную землю при помощи своей лошади и личных инструментов [*Информационные отчеты. 1946. Л. 18*].

Все эти факты сегодня могут вызвать искреннее удивление, однако подобная модель отношения к служению церкви у светской власти была отчасти отражена и в главном церковном документе того периода, в «Положении об управлении Русской Православной Церкви». В разделе IV «Приходы» говорилось о том, что

настоятели храма, в частности, обязаны следить за тем, чтобы уклад и распорядок приходской жизни не препятствовал выполнению прихожанами гражданских обязанностей, например: в сельских местностях, в период полевых работ, богослужение должно совершаться только в часы, свободные от сельскохозяйственных работ и т. п. [*Положение об управлении, разд. 4, п. 36*].

Заключение

Как видно из приведенных примеров, уполномоченный Совет по делам РПЦ старался занимать гибкую позицию по отношению к духовенству епархии: с одной стороны, не допускать грубых нарушений законности со стороны местных властей, а с другой стороны, строго контролировать жизнь приходов и служение духовенства, не позволяя нарушать границы религиозной деятельности, дозволенной коммунистической партией и советским правительством.

В своих отчетах Лузин отмечает, что сельское духовенство Псковской епархии, как правило, пользуется любовью и авторитетом у прихожан. Архимандрит Агафон (Бубец) до 1946 г. входил в число братии Свято-Успенского Печерского монастыря, а после ареста игумена Павла (Горшкова) возглавил монашескую общину. Однако после визита патриарха Алексия в июле 1946 г. в Псков и Печоры, архим. Агафон был отстранен от должности наместника и отправлен на приход в Порховское благочиние.

Перед своим отъездом из монастыря архим. Агафон находился в удрученном состоянии, ожидая серьезных бытовых трудностей и даже голодной смерти. Однако через некоторое время он писал уполномоченному, что живет на новом месте служения «гораздо лучше... чем любой приходской священник в Печорском районе» [*Информационные отчеты. 1947. Л. 31*]. Лузин подтверждает свидетельство священнослужителя:

Верующие стараются, чтобы священник не голодал, и делятся последним. Так, например, при мне к Агафону пришла одна женщина и принесла за 4 км мешок картошки и говорит: «Батюшка, у нас осталось от посева, вот и решили передать тебе». На общем собрании колхоза вынесли решение выделить приусадебный участок, вспахали и засадили, а он только наблюдал. Следом за Агафоном из Печорского района перевелись в другие районы еще 4 священника и все они не жалуются [*Информационные отчеты. 1947. Л. 31–31 об.*].

Эти факты говорят о том, что, несмотря на менее высокий уровень жизни крестьян в районах, не входивших ранее в состав прибалтийских республик, прихожане с большой заботой и жертвенностью относились к духовенству и готовы были поддерживать своих пастырей в бытовой неустроенности и материальной скудости.

В отчетах за 1947 г. уполномоченный Лузин анализирует характеристики духовенства Псковской епархии и отмечает, что оно различно не только по возрасту и уровню образования, но и по своему подходу к служению. Советский чиновник выделяет небольшую ревностную группу священнослужителей, центром служения которой была «просветительная» работа, выходящая и за пределы храмов. Другая категория духовенства в основном сосредоточена на вопросе материального обеспечения и «заинтересована в том, чтобы как можно больше заработать, для этого заезжают в районы, где нет церквей, и выполняют все требы». Для священников этого типа характерно то, что они сравнительно недавно приняли священный сан, малограмотны и кроме исполнения церковных треб и обрядов ничем не озабочены [*Информационные отчеты. 1947. Л. 32*].

В отчете за 3-й квартал 1947 г. Лузин акцентирует внимание на том, что среди духовенства епархии есть люди нетрезвого образа жизни, что нередко приводит к необоснованной растрате приходских средств и неэтичному поведению в церкви и общественном

пространстве. Кроме того, с большим беспокойством уполномоченный пишет о «ревностных служаках», многие из которых служили в епархии в период оккупации или только что приступили к служению после возвращения из мест заключения. Одним из таких ревностных пастырей, бывших «сидельцев» ГУЛАГа был священник Николай Лебедев, по получении места служения в епархии твердо взявшийся за установление порядка. В своем письме к уполномоченному Лебедев заявляет, что «в число священников набралось много случайных и недостойных людей, которых надо гнать» [*Информационные отчеты. 1947. Л. 44*]. В своей характеристике Лебедева Лузин указывает на то, что тот «ведет переписку с духовенством, которым кончается срок пребывания в лагерях и приглашает в свое благочиние» [*Информационные отчеты. 1947. Л. 44*]. В 1947 г. один из таких приглашенных, Гаврилов, был принят в штат Псковской епархии и получил справку о регистрации.

На этом уполномоченный Совета по делам РПЦ не останавливается и приводит пример ревностного служения другого духа. Настоятель церкви в с. Заполье Плюсского района Матвеев обратился в райком ВКП(б) с просьбой прислать ему на приход проверенных людей, желательно членов партии, которых он обещал подготовить к принятию священного сана. Хотя и одного, и другого священника уполномоченный называет ревнителями церковной жизни, но тут же добавляет:

Матвеева, конечно, нельзя причислить к группе Лебедева, так как первая группа стоит подальше от советских и общественных учреждений. За все время его пребывания только один раз был у меня и то по необходимости. Вторая группа, состоящая из священников, которые недавно посвятились в священники или имели перерыв в службе, работая в советских учреждениях на разных должностях. Последняя группа заинтересована в том, чтобы иметь тесный контакт с государственными учреждениями. Представители этой группы приходят ко мне со всеми вопросами, даже внутрицерковного характера [*Информационные отчеты. 1947. Л. 44*].

Этот пассаж в отчете Лузина хорошо показывает наметившуюся стратегию поведения духовенства. Некоторая часть клириков епархии активно стремилась встроиться в систему советского общества и занять в нем свое скромное, но надежное положение. Другие священнослужители сохраняли дистанцию в отношениях с советскими органами, в том числе с уполномоченным Совета по делам РПЦ, стремились к самостоятельности в выстраивании

приходской жизни, насколько это позволяли законодательство о культах и амбиции местных чиновников.

Завершая это исследование, резюмируем, что сельское духовенство Псковской епархии в первые послевоенные годы в своем большинстве представляли священники немолодого возраста, духовное образование имел каждый третий священнослужитель, многие из них служили на оккупированной территории (каждый третий был рукоположен в священный сан в годы оккупации), а также были осуждены в довоенное время по 58-й статье.

Служение сельского духовенства было сопряжено не только с трудностями общего порядка: скудное материальное положение, отсутствие транспорта для поездок по району своего прихода или благочиния, недостаток богослужебных книг, церковной утвари, ветхое облачение и, зачастую, близкое к аварийному состояние храмов. Не меньшие сложности создавались непосильным налоговым гнетом (в сельской местности усугублявшимся продуктовым налогом), давлением руководства колхозов, сельсоветов, партийных органов и представителей МВД. Если на первых порах уполномоченный Совета по делам РПЦ в некоторых случаях вмешивался в конфликтные ситуации и иногда это вмешательство приводило к положительным результатам, то после 1947 г. все чаще и чаще Лузин либо не может преодолеть «глухую оборону» советских органов (в земельном вопросе, в вопросе повышенного налогообложения), либо предпочитает оставаться в стороне в качестве наблюдателя. Все это еще раз подтверждает неоднозначность и тенденциозность «нового курса» религиозной политики советского государства. В средствах массовой информации, в официальных документах патриархии этот поворот сталинского правительства к нуждам церкви и верующих оценивался весьма положительно. Однако на деле, на примере отдельно взятого региона — экономически отсталой Псковской области — отчетливо вырисовывается образ сельского священника не только бедного и практически бесправного, но и являющегося представителем социального слоя, приравненного к кулацкому элементу, одиноличнику, по-прежнему глубоко чуждому для социалистического общества послевоенного СССР.

Приложение

Отчет Псковской епархии за 1948 г.⁸

Общее число штатного приходского духовенства: архимандриты, игумены — 2; иеромонахи — 4; протоиереи и священники — 83; протодиаконы, диаконы и иеродиаконы — 13; штатные псаломщики — 31. Всего 133 человека (125 русских, 3 белоруса, 4 эстонца, 1 чехословак).

Таблица 1. Возраст духовенства

	До 40 лет	40–50 лет	50–60 лет	60–70 лет	Старше 70 лет	Всего
Протоиереи и священники	7 (7,8 %)	17 (19,1 %)	28 (31,5 %)	25 (28,1%)	12 (13,5%)	89 (100 %)
Протодиаконы и диаконы	3 (23,1 %)	3 (23,1 %)	2 (15,4 %)	5 (38,4%)	0	13 (100 %)
Псаломщики	4 (12,9 %)	7 (22,6 %)	14 (45,2 %)	4 (12,9 %)	2 (6,4 %)	31 (100 %)
Всего	14 (10,5 %)	27 (20,3 %)	44 (33,1 %)	34 (25,6 %)	14 (10,5 %)	133 (100 %)

Таблица 2. Статистические сведения о сельском духовенстве Псковской епархии на 01.01.1949⁹

Всего 74 сельских прихода.

Показатель	Возраст				
	До 40 лет	41–55 лет		Старше 55 лет	
Временной промежуток					
Кол-во, чел.	5	19		50	
Показатель	Образование				
	Высшее богословское	Средне богословское	Высшее светское	Среднее светское	Низшее светское
Кол-во, чел.	0	23	0	25	26
Показатель	Период рукоположения				
	До 1918 г.	1918–1930 гг.	1930–1940 гг.	1941–1945 гг.	После 1945 г.
Кол-во, чел.	15	11	10	26	12

8. См.: ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 27. Л. 28.

9. См.: ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 74.

Список сокращений

ГАПО Государственный архив Псковской области

Источники

1. *Годовой отчет* = Годовой отчет по Ленинградской, Новгородской и Псковской епархиям за 1948 г. // Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3.
2. *Информационные отчеты. 1945* = Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписки по ним с Советом по делам Русской Православной Церкви за 1945 год // ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 2.
3. *Информационные отчеты. 1946* = Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписки по ним с Советом по делам Русской Православной Церкви за 1946 год // ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 7.
4. *Информационные отчеты. 1947* = Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписки по ним с Советом по делам Русской Православной Церкви за 1947 год // ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 18.
5. *Информационные отчеты. 1948* = Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписки по ним с Советом по делам Русской Православной Церкви за 1948 год // ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26.
6. *Информационные отчеты. 1949* = Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписки по ним с Советом по делам Русской Православной Церкви за 1949 год // ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 30.
7. *Информационные отчеты. 1950* = Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписки по ним с Советом по делам Русской Православной Церкви за 1950 год // ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 35.
8. *Отчет Псковской епархии* = Отчет Псковской епархии за 1948 год // ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 27.
9. *Положение об управлении* = Положение об управлении Русской Православной Церкви 1945 г. <https://drevo-info.ru/articles/17773.html> (дата обращения: 20.10.2023).

Литература / References

1. *Васильева* = Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. Москва : Институт Российской истории РАН, 2001. 215 с.
Vasilyeva O. Yu. (2001). Russian Orthodox Church in the politics of the Soviet state in 1943–1948. Moscow : Institute of Russian History RAS Publ. (in Russian).
2. *Галкин* = Галкин А. К. «Мало просите...»: церковно-исторические итоги беседы И. В. Сталина с тремя митрополитами в ночь на 5 сентября 1943 года // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 45. С. 91–119. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_45_91.
Galkin A. K. (2023). “You are not asking enough...”: On the church-historical results of I. V. Stalin’s conversation with the three metropolitans on the night of September 5, 1943”. *The Quarterly Journal of St. Philaret’s Institute*, iss. 45, pp. 91–119 (in Russian). https://doi.org/10.25803/26587599_2023_45_91.
3. *Голиков, Фомин* = Голиков Андрей, священник, Фомин С. Кровью убеленные : Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). Москва : Паломник, 1999. 222 с.
Golikov Andrey, priest, Fomin S. (1999). White with Blood: Martyrs and Confessors of the North-West of Russia and the Baltic States (1940–1955). Moscow : Pilgrim Publ. (in Russian).
4. *Курляндский* = Курляндский И. А. Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.) : Исторические очерки. Санкт-Петербург : Петроглиф, 2019. 376 с.
Kurllyandsky I. A. (2019). Power and religious organizations in the USSR (1939–1953): Historical essays. St. Petersburg: Petroglyph Publ. (in Russian).
5. *Майнер* = Майнер С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. Москва : РОССПЭН. 2010. 455 с.
Miner S. M. (2010). Stalin’s Holy War. Religion, nationalism and allied politics. Moscow : ROSSPEN Publ. (Russian translation).
6. *Обозный* = Обозный К. П. История Псковской Православной Миссии 1941–1944 гг. Москва : Издательство Крутицкого подворья : Общество любителей церковной истории. 2008. 610 с.
Obozny K. P. (2008). History of the Pskov Orthodox Mission 1941–1944. Moscow : Krutitsky Compound Publishing House : Society of Church History Lovers Publ. (in Russian).
7. *Шкаровский* = Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). Москва : Крутицкое Патриаршее Подворье : Общество любителей церковной истории, 1999. 400 с. (Материалы по истории церкви; кн. 24).

Shkarovsky M. V. (1999). Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-Church relations in the USSR in 1939–1964). Moscow : Krutitskoe Patriarchal Compound: Society of Church History Lovers Publ. (Materials on the history of the church; book 24) (in Russian).

8. Чумаченко = Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие : 1941–1961 гг. Москва : АИРО-XX, 1999. 248 с.

Chumachenko T. A. (1999). State, Orthodox Church, believers: 1941–1961. Moscow : AIRO-XX (in Russian).

Информация об авторе

К. П. Обозный, канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета, зав. кафедрой церковной и социальной истории, Свято-Филаретовский институт.

Information about the author

K. P. Obozny, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dean, Faculty of History, Head of the Department of Church and Social History, St. Philaret's Institute.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 03.11.2023.